

мировоззрение автора «Оправдания Добра» его интересует намного больше, чем его философское учение. Поэтому книга Джонатана Саттона по существу является чересчур растянутым очерком жизни и взглядов интересного человека, а не систематическим описанием (не говоря уже об исследовании) его творчества. К достоинствам книги, впрочем, следует отнести неплохую библиографию, включающую в себя много ссылок на зарубежную литературу о Вл. Соловьёве и на русскую философию в целом.

*Б.В. Межуев,
МГУ им. М.В. Ломоносова*

**[Рец. на]: Н.Н. СТРАХОВ В ДИАЛОГАХ С СОВРЕМЕННОКАМИ.
ФИЛОСОФИЯ КАК КУЛЬТУРА ПОНИМАНИЯ / С.М. Климова,
Е.А. Антонов, Н.П. Ильин и др. СПб.: Алетейя, 2010. 208 с.**

Сборник статей «Н.Н. Страхов в диалогах современников», который вышел в свет в 2010 году в петербургском издательстве «Алетейя», представляет собой значительное явление в области истории отечественной философии. Во-первых, авторами сборника была выбрана для всестороннего рассмотрения такая непростая фигура отечественной мысли XIX столетия, как Николай Николаевич Страхов, а во-вторых, авторами отдельных статей был сделан акцент на спорных моментах в интерпретации этого философа. Так, В.А. Фатеев посвятил отдельную статью ответу на давнишний вопрос, был ли Николай Страхов христианином и вообще верующим человеком. На этот счет, как известно, существуют разные точки зрения. Фатеев склоняется к мнению, что Страхов был неуверенным в своей вере христианином, но все же христианином. Наверное, так оно и было на самом деле, однако такой ответ нам представляется чересчур общим. Кстати, некоторая размытость данного ответа сыграла самую печальную роль при анализе тем же автором характера взаимоотношений Страхова с Вл. Соловьёвым, которые нас и занимают в первую очередь при рассмотрении данного сборника.

Отношениям Вл. Соловьёва и Страхова в книге посвящена отдельная глава, или, точнее, беседа (книга состоит из восьми бесед, написанных разными авторами, в приложении к ним помещена статья Н.Н. Страхова «Главная черта мышления», написанная в 1866 году в полемике с П.Д. Юркевичем). В.А. Фатеев, прекрасный знаток русской философии XIX столетия, автор фундаментального жизнеописания В.В. Розанова, смотрит на «историю полемики» двух «враг-друзей» – Страхова и Вл. Соловьёва – во многом глазами составителя «Литературных изгнанников». При изложении знаменитой ссоры 1890 года, возникшей в ходе полемики по поводу книги Н.Н. Данилевского «Россия и Европа», Розанов всячески выпячивал моральную нечистоплотность автора «Национального вопроса в России». Следуя своему герою, и В.А. Фатеев настаивает на том, что Вл. Соловьёв выиграл спор нечестными методами, включая ложное обви-

нение Данилевского в плагиате, навешивание ярлыков, бесконечное передергивание фактов. «Тихий» Страхов просто не мог выиграть дуэль с «шумным» Соловьёвым, тем более что тот шаг за шагом переходил границу допустимого в отношениях между друзьями.

В.А. Фатеев добавляет в копилку обвинений против Вл. Соловьёва еще и резковатые эпистолярные высказывания философа о Страхове. Свою роль в обвинительном акте против Вл. Соловьёва играет и недописанный им «некролог» Страхова, обнаруженный Н.В. Котрелевым и опубликованный им в 2005 году в 11 выпуске «Соловьёвских исследований» (Соловьёв оказывается плох, в том числе, и по той причине, что попытался продолжить полемику со Страховым в таком не подходящем для жаркой дискуссии жанре, как некролог). Впрочем, автор встает на сторону Страхова и в других спорных ситуациях. Так, Соловьёву ставится в вину и защита «чуда» в споре о спиритизме 1887 года, который нашел отражение в статье «О вечных истинах». Соловьёв, конечно же, лицемерил по поводу христианских чудес, поскольку «подлинная причина» его несогласия со Страховым «крылась в том, что он сам, увлекавшийся, как известно, в молодости спиритизмом, имел слабость к оккультной практике вполне материалистического «ощупывания» запредельного» (с. 164). В общем, Соловьёв – от начала и до конца отрицательный герой этой краткой повести о дружбе и недружбе, хотя автор и признает частичное совпадение мировоззрения Соловьёва с убеждениями Страхова, тем самым объясняя длительные приятельские отношения двух мыслителей.

Впрочем, наверное, главное состоит не в том, кто из героев хороший, а кто плохой, а в том, почему эти два талантливых человека в конце концов так сильно разошлись как идейно, так и человечески. Политическая сторона их разногласий более менее очевидна: Страхов признавал правоту Данилевского, не столько даже его тезиса о существовании культурно-исторических типов, сколько – утверждения о неизбывной агрессивности Запада, которой в упор не хотел замечать Вл. Соловьёв. И Страхов, кстати, не без оснований упрекал Вл. Соловьёва в империализме, прикрытом гуманистической риторикой. Просто Страхову не хватило полемического таланта столь же основательно деконструировать западничество Вл. Соловьёва, как это сделал сам Соловьёв в отношении славянофильства. В общем, конечно, вся эта важная дискуссия заслуживает переосмысления, поскольку невнятность ее развязки проявилась в ошибках и упущениях всей последующей традиции русской политической мысли.

Однако заслуживает еще большего внимания философская и этическая сторона разногласий двух мыслителей. В.А. Фатеев, который, вообще говоря, весьма внимателен к фактам, странным образом обходит стороной статью Вл. Соловьёва 1892 года «Отрицательное начало нравственности», вошедшую в двухтомник его сочинений (том 2, М., 1989, с. 419–427). Эта статья является прямым откликом на статью Н.Н. Страхова «Справедливость, Милосердие и Святость», вышедшую в № 5784 газеты «Новое время». Страхов отстаивал идею, что высшим нравственным идеалом является освобождение от страстей. Вл. Соловьёв, не без оснований обнаруживая в этом влияние Шопенгауэра, выражал сожаление, что автор статьи «не усвоил той ясности и прямоты ума и

того чистосердечия, которые не позволили Шопенгауэру отождествлять свои идеи с христианством, совершенно иначе относящимся к этим вопросам». И любопытно, что той же самой весной 1892 года, когда Соловьёв написал данный текст в ответ Страхову, он в своем рассказе «На заре туманной юности» припомнил времена, когда он и сам разделял аналогичный взгляд на смысл жизни. Только для него в самом начале 1870-х годов шопенгауэровский пессимизм был дополнен верой в исторический процесс, долженствующий привести наш мир к самоуничтожению, и славянофильской убежденностью, что «практическое исполнение этой задачи» будет возложено «исключительно на русский народ». И рассказ повествовал о том, при каких обстоятельствах Вл. Соловьёв от этих своих убеждений отошел и пришел к какому-то новому взгляду на нравственный идеал. И в этом идеале уже не было места шопенгауэровской нирване или же страховской бесстрастности, но зато огромный смысл придавался романтической любви.

Иными словами, Вл. Соловьёв почувствовал в Страхове то самое отрицательное начало аскетизма, которому он был предан в годы своей «туманной юности» и которое, помимо увлечения Данилевским, как считал автор «Смысла любви», уводило Страхова прочь от подлинного христианства. И в самом деле Страхов явно тяготел к своего рода нецерковному аскетизму, философское обоснование которого он обнаруживал у Шопенгауэра, а художественное оправдание – в «Анне Карениной» Льва Толстого.

Увы, это коренное религиозно-метафизическое расхождение двух мыслителей не получило никакого освещения в рассматриваемом сборнике статей. А это значит, что вопрос об отношениях Страхова и Вл. Соловьёва пока не получил надлежащего разрешения.

*Б.В. Межуев,
МГУ им. М.В. Ломоносова*